

УСПЕНСКИЙ Г.И. (1840 – 1902)

Успенский (Глеб Иванович) - известный писатель. Родился 14 ноября 1840 г. в Туле, где его отец, сын сельского дьячка, служил секретарем палаты государственных имуществ. Учился в тульской и черниговской гимназиях; поступил сначала в Петербургский университет, по юридическому факультету, потом перешел в московский, но по недостатку средств не мог окончить курса и вышел из университета в 1863 г. В это время умер его отец, и семья осталась без всяких средств. Успенский был вынужден усиленно заниматься литературной работой, к которой он обратился еще в бытность свою студентом, сотрудничая в журнале Колошина "Зритель", где в 1862 г. напечатан был его первый рассказ: "Старьевщик". В 1864 - 1865 гг. в "Русском Слове" появилось, за подписью Успенского, несколько рассказов из быта мелкого чиновничества, не попавших ни в одно собрание его сочинений; только немногие из них перепечатаны в изданной В.Е. Генкелем книжке: "В будни и в праздник. Московские нравы" (Санкт-Петербург, 1867). Литературная известность Успенского начинается с 1866 г., когда в "Современнике" явились его очерки: "Нравы Растеряевой улицы". Продолжение этих очерков печаталось в "Женском Вестнике" 1867 г. В том же году несколько очерков Успенского появилось в "Деле", а начиная с 1868 г. он стал печатать свои произведения почти исключительно в "Отечественных Записках", лишь изредка помещая мелкие вещи в других изданиях, например ("Санкт-Петербургские Ведомости", 1876 - письма из Сербии, "Русские Ведомости", 1885 - письма с дороги). После прекращения "Отечественных Записок" Успенский был сотрудником сначала "Северного Вестника", затем "Русской Мысли". В начале 1893 г. его постигла душевная болезнь, положившая конец его литературной деятельности. Последнее его произведение - небольшая сказка - напечатано в "Русском Богатстве" того же года. Отдельно из сочинений Успенского в первый раз изданы были Печаткиным "Очерки и Рассказы" (Санкт-Петербург, 1866). Это издание, с дополнениями, повторено в 1871 г. В том же году явилось "Разоренье", а в следующем - "Нравы Растеряевой улицы". "Наблюдения одного лентяя" и "Про одну старуху" напечатаны были в 1873 г. в виде отдельного томика "Библиотеки современных писателей". После того явились еще: "Глушь. Провинциальные и столичные очерки" (Санкт-Петербург, 1875) и "Из памятной книжки. Очерки и рассказы Г. Иванова" (Санкт-Петербург, 1879). В 1885 г. вышло собрание сочинений Успенского в 8 томах, за которым вскоре последовали три издания Павленкова - два первые в двух, третье в трех томах. В этом последнем издании собрано все напечатанное Успенским с 1866 г., за исключением указанных выше очерков, двух небольших рассказов, помещенных в "Иллюстрированной Газете" В.Р. Зотова, 1873 г. (там же, 1873, № 1, впервые напечатан и портрет Успенского), рассказа "Злые новости" ("Отечественные Записки", 1875, № 3) и "Воспоминания о

Некрасове" ("Пчела" М.О. Микешина , 1878, январь). Литературную деятельность Успенского можно разделить на два периода. В первом - приблизительно до конца 70-х годов - Успенский является преимущественно бытописателем разного мелкого городского люда - мастеровых, мещан, маленьких чиновников и т. п. "обывателей", с их ежедневными нуждами и тревогами в борьбе за существование и с их смутными порываниями к лучшей жизни. Сюда же примыкают картинки из жизни провинциального и столичного "мыслящего пролетариата", с его идеальными стремлениями, надеждами и тяжелыми разочарованиями, и путевые очерки из заграничных поездок Успенского, побывавшего во Франции (после коммуны), затем в Лондоне и, наконец, в Сербии, вместе с русскими добровольцами 1876 г. Во втором периоде своей деятельности Успенский является представителем так называемого "народничества", избирая предметом своих изучений и очерков почти исключительно различные стороны деревенской жизни. Развитие и содержание этой деятельности Успенского вполне отвечало характеру и интересам русского общества 60-х и 70-х гг. В эпоху реформ, когда молодой писатель впервые выступил на литературном поприще, внимание нашей передовой литературы поглощено было "разночинцами" той общественной среды, мимо которой прежде обыкновенно проходили без внимания и которая в эту пору сразу выдвинула в литературу нескольких крупных представителей. Успенский по своему происхождению сам принадлежал к этой среде, сам жил ее жизнью и с детства вынес на себе все ее горести и лишения. Одаренный от природы отзывчивым сердцем, он уже в ранней юности глубоко прочувствовал всю тяжесть, а нередко и безвыходность этих темных существований, изобразителем которых он явился в первых своих произведениях. "Вся моя личная жизнь, - говорит он в своей автобиографической записке, - вся обстановка моей личной жизни до 20 лет обрекала меня на полное затмение ума, полную погибель, глубочайшую дикость понятий, неразвитость, и вообще отделяла от жизни белого света на неизмеримое расстояние. Я помню, что я плакал беспрестанно, но не знал, отчего это происходит. Не помню, чтобы до 20 лет сердце у меня было когда-нибудь на месте. Начало моей жизни началось только после забвения моей собственной биографии, а затем и личная жизнь, и жизнь литературная стали созидаться во мне одновременно собственными средствами". В первом своем более крупном произведении: "Нравы Растеряевой улицы" Успенский явился правдивым изобразителем жизни того мелкого серого люда, к которому он присмотрелся у себя на родине - его нравов и понятий, дикого невежества и горького пьянства, ничтожества, бессилия и почитания "кулака", того, "что изуродовало нас и заставило нутром чтить руку бьющего паче ближнего и паче самого себя"... - "Вот какие феи, - говорит Успенский, - стояли у нашей колыбели. И ведь такие феи стояли решительно над каждым движением, чем бы и кем бы оно ни возбуждалось. Не мудрено, что дети наши пришли в ужас от нашего унижительного положения, что они ушли от нас, разорвали с нами, отцами, всякую связь..." От этого статического изображения общества Успенский переходит к динамическому - к изображению того движения,

которое началось в пору перелома русской жизни, "когда в наших местах объявились новые времена" и одни стали подниматься снизу вверх, другие, наоборот, падать сверху на самое дно, так как старый, питавший их склад жизни, уже отошел в историю, а к новому приспособиться они были не в силах. Это перемещение центра тяжести - все в той же общественной среде, которую Успенский изображал и ранее - составляет содержание ряда новых очерков: "Разоренье", "Новые времена - новые заботы" и др. Рассчитавшись в первых своих произведениях с той "биографией", которую ему необходимо было забыть, чтобы начать новую жизнь "собственными средствами", Успенский обратился к этой новой жизни. "Все, что накоплено мной собственными средствами в опустошенную забвением прошлого совесть", говорит он в автобиографии, "все это пересказано в моих книгах, пересказано поспешно, как пришлось, но пересказано все, чем я жил лично. Таким образом, вся моя новая биография, после забвения старой, пересказана почти изо дня в день в моих книгах. Больше у меня в жизни личной не было и нет". Эти слова как нельзя точнее обрисовывают и отношение самого писателя к изображаемой им жизни: он - не посторонний; более или менее равнодушный наблюдатель проходящих мимо него явлений; он переживает их на самом себе, отзываясь на них всем своим существом, глубоко чувствуя своим отзывчивым сердцем весь трагизм захватывающих его положений, пробивающийся наружу нередко из-под комической внешности. На дне каждого его рассказа, говорит Н.К. Михайловский, "лежит глубокая драма"; впечатления, для него самого мучительные, "льются как жидкость из переполненного сосуда". Чаще всего жизнь дает ему ряд положений внешне комических, под которыми чувствуется глубокий внутренний трагизм; впечатление усиливается и обостряется этой противоположностью внешности с внутренним содержанием наблюдаемых фактов. Самый мелкий, повседневный случай, виденный, слышанный или просто вычитанный из газет, случай, мимо которого большинство проходит совершенно равнодушно, ничего не замечая, ни о чем не думая, для Успенского получает серьезное и общее значение, глубоко западает в его ум и душу и "сверлит" их до тех пор, пока не найдет себе исхода в простом, безыскусственном, но проникнутом страстной силой рассказе, где каждое слово пережито написавшим его. Повествуя о том, как новое общественное движение 60-х гг. отозвалось в низших слоях городского населения, куда постепенно стали проникать новые, неведомые ранее мысли, разъедающие прежний строй жизни и по-видимому прочно установившихся понятий, Успенский характеризует этот процесс названием "болезни совести" или стремления к "сущей правде". Правда настойчиво предъявляет свои права среди насыщенной всевозможной тяготой действительности: "никогда еще так не болели сердцем, как теперь", говорит Успенский. Эта болезнь наблюдается им повсюду - и среди людей темных, инстинктивно порывающихся осмыслить свое существование, и среди "интеллигентных неплательщиков": всех гложет тот же "червяк", у всех "душа не на месте" и тревожно ищет равновесия, утраченной цельности. Всего сильнее и мучительнее болел

сердцем сам писатель, чутко подмечавший и отражавший в своих произведениях это общее беспокойное состояние. Во всей русской литературе еще не было и до сих пор нет другого писателя, у которого это беспокойное искание "грядущего града" сказалось бы с такой захватывающей искренностью и с такой глубокой скорбью. Вторая половина 70-х гг., когда Успенский возвратился в Россию из заграничной поездки, также оставившей свой след в том, что он называл своей "душевной родословной", характеризуется в нашей литературе развитием так называемого "народничества" (см. XX, 586 и XXVIII, 645). Это было время, когда впервые получило ясную формулировку сознание "неоплатного долга" интеллигенции народу, послышались призывы "в деревню" и началось "хождение в народ", отразившееся в литературе, на первых же порах, расцветом "мужицкой" беллетристики. Это общее веяние той поры не могло не захватить и Успенского, в глазах которого мужик рисовался тогда "источником" искомой правды. Случай доставил Успенскому возможность стать с этим источником в непосредственные отношения: он приглашен был заведовать крестьянской ссудосберегательной кассой в одном из уездов Самарской губернии и, таким образом, мог проверить на опыте свои теоретические представления о деревне. Эта проверка, результатом которой явился ряд новых очерков деревенской жизни, произвела на самого Успенского крайне удручающее впечатление: она разрушила те кабинетные иллюзии, которым предавались народолюбцы, идеализировавшие мужика, как носителя всевозможных добродетелей. Деревенская жизнь повернулась к Успенскому своей оборотной стороной; он увидел в ней господствующее стремление - "жрать", которое разрушает все нравственные понятия, сводя всю жизнь к измышлению способов добычи денег и отдавая деревню во власть "кулакам". Этот вывод, сделанный Успенским с обычной для него полной искренностью, для многих явился неожиданным, но едва ли не более всех - для самого Успенского. "Я в течение полутора года не знал ни дня, ни ночи покоя, - писал он. - Тогда меня ругали за то, что я не люблю народ. Я писал о том, какая он свинья, потому что он действительно творил преподлейшие вещи..." С этим безотрадным выводом он не в состоянии был помириться. "Мне нужно было знать, - говорит он, - источник всей этой хитроумной механики народной жизни, о которой я не мог доискаться никакого простого слова и нигде. И вот, из шумной, полупьяной, развратной деревни забрался я в лес Новгородской губернии, в усадьбу, где жила только одна крестьянская семья. На моих глазах дикое место стало оживать под сохой пахаря, и вот, я тогда в первый раз в жизни увидел действительно одну подлинную, важную черту в основах жизни русского народа, именно - власть земли". Таким образом, поиски идеала в деревне привели Успенского к заключению, что "воля, свобода, легкое житье, обилие денег, то есть все то, что необходимо человеку для того, чтобы устроиться, мужику причиняет только крайнее расстройство, до того, что он делается вроде свиньи"; спасти его от этого расстройства может только "власть земли", то есть полная зависимость всего строя крестьянской жизни от ее основной цели - земледельческого труда,

который дает мужику хлеб, но за то и создает для всей его деятельности строгие рамки. Земля нужна народу не только как обеспечение его хозяйственного положения, но и как ручательство его нравственного равновесия; от этой власти он не может уйти не только потому, что рухнет все его хозяйство, но и потому, что жизнь его потеряет тогда всякий смысл. Исходя из этого общего начала, Успенский является решительным защитником власти крестьянского "мира" и схода, как единственно нормальной для деревни; в установившемся веками общинном укладе сельской жизни он видит корень всей народной нравственности, а вторжение в общинный быт индивидуализма признает губительным и разрушительным. В этом духе написаны им "Власть земли" и другие позднейшие очерки из народного быта. - Внешняя форма произведений Успенского отличается недостаточностью литературной отделки: он не мог заботиться о слоге и художественности не только потому, что не имел времени этим заниматься, но в особенности потому, что это противоречило бы его нервной, страстной натуре, побуждавшей его как можно скорее передавать свои впечатления в том самом виде, как они ложились ему на душу. Он дает читателю обрывки, недосказанные рассказы, торопливо набросанные мысли, которые он и сам называет "черной работой литературы", в широкой мере примешивая к изображению типов и сцен из жизни публицистические рассуждения. Все, им написанное, производит впечатление возбужденной речи нервного человека, который спешит поделиться с другими тем, от чего в данную минуту болит его сердце. Эти произведения даже как-то странно назвать обычным словом "беллетристика"; Н.К. Михайловский недаром видит в них скорее "оскорбление беллетристики действием", - до такой степени Успенский нарушает общепринятые манеры повести или рассказа. Несмотря на это, Успенский обладает большим художественным талантом: при полном отсутствии каких-либо украшений речи, картинность его изображений большей частью очень сильна, благодаря способности метко уловить и наглядно передать виденное и слышанное. Самое выдающееся и самое ценное свойство Успенского - его безусловная и всегдашняя искренность. Он всегда прямо высказывает свои мысли и смело договаривает их до конца, хотя бы они шли в разрез с понятиями, установившимся в том кругу, к которому он сам принадлежит. По справедливому замечанию Н.К. Михайловского, Успенский нередко открыто "делает дерзости духу времени". Эта прямота и независимость убеждений Успенского, вместе с его горячей сердечной отзывчивостью и неустанным исканием правды, делают его одним из самых замечательных и привлекательных писателей своего поколения и времени. Умер в 1902 году. См. статью Н.К. Михайловского при Павленковских изданиях сочинения Успенского и в "Сочинениях" Михайловского (т. VI); "Беллетристы-народники" и "История новой русской литературы"; , в "Русской Мысли" (1890, № 8 и 9); "Г.И. Успенский. Опыт объяснительного изложения его сочинений" (Санкт-Петербург, 1889); "История русской этнографии" (т. II, глава XII). П. Морозов.